

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТРОЙ ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ И ПАМИРА НАКАНУНЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ К РОССИИ

Б. И. ИСКАНДАРОВ

Социально-экономический и политический строй Восточной Бухары и Памира¹ — один из важных, но вместе с тем малоизученных вопросов истории Средней Азии в период, предшествовавший присоединению ее к России. В общих чертах он освещен в труде Б. Г. Гафурова по истории таджикского народа с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции². Из специальных исследований следует упомянуть работы Н. А. Кислякова, М. С. Андреева, З. Бахрамова, М. Р. Рахимова, а также автора настоящей статьи³. За последние годы защищены три кандидатские диссертации об аграрных и феодальных отношениях в отдельных районах Бухарского эмирата⁴. В 1954 г. выпущены два документальных сборника, в которых содержатся материалы, характеризующие различные стороны жизни народов Средней Азии в XVI—XIX вв.⁵.

¹ Восточная Бухара — юго-восточная часть Таджикской ССР. Памир — Горно-Бадахшанская автономная область. В статье автор останавливается лишь на западных районах Памира; что касается восточных с кочевым населением — киргизами, то это предмет самостоятельного исследования.

² Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., т. I, М., 1955.

³ Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло, М.—Л., 1936; его же. Очерки по истории Каратегина. К истории таджикского народа, Сталинабад, 1954; М. С. Андреев. Таджики долины Хуф (верховья Амударьи), вып. I, Сталинабад, 1953; З. Бахрамов. Земельные отношения в Шугнанае в конце XIX — начале XX в. (1895—1920 гг.). Сб. «Очерки по истории Таджикистана», т. I, Сталинабад, 1957; М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна р. Хингоу в дореволюционный период (Историко-этнографический очерк), Сталинабад, 1957; Б. И. Искандаров. Из истории Бухарского эмирата (Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX века), М., 1958; его же. О некоторых изменениях в экономике Восточной Бухары на рубеже XIX—XX вв. Сталинабад, 1958.

⁴ См. А. Маджлисов. К вопросу о феодальных отношениях в Каратегинском бекстве, Сталинабад, 1951; Н. К. Латыпов. К вопросу о земельных отношениях в Дарвазском бекстве к концу XIX и в начале XX в., Сталинабад, 1955; М. Хамраев. К вопросу о феодальных отношениях в Хисарском бекстве Бухарского ханства в конце XIX и начале XX в., Сталинабад, 1955.

⁵ П. П. Иванов. Хозяйство Джужбарских шейхов. «К истории феодального землевладения в Средней Азии в XVI—XVIII вв.», М.—Л., 1954; «Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве», вып. I, Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв. Подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович и А. К. Арендса, Ташкент, 1954.

Из опубликованных трудов дореволюционных авторов по истории, экономике и этнографии Восточной Бухары и Памира особенно заслуживает внимания работа И. Минаева⁶, который впервые подытожил результаты исследований английских ученых и путешественников, посетивших Памир и Восточную Бухару, начиная с 20-х годов и вплоть до второй половины XIX в. Социально-экономический и политический строй Восточной Бухары описан одновременно офицерами генерального штаба Н. Н. Покотило и А. Е. Снесаревым⁷. Ценные сведения содержатся в книге Д. Н. Логофета о Бухарском эмирате под протекторатом царской России⁸. Наконец, известный интерес представляют путевые заметки А. А. Бобринского о быте горцев верховьев Пянджа⁹.

Как видим, вопросы социально-экономического и политического развития Восточной Бухары и Памира в рассматриваемый период занимали внимание исследователей и советских и дореволюционных. Однако всестороннему анализу, тем более в масштабе всего края, они не подвергались. Данная статья представляет собой попытку восполнить в некоторой мере существующий пробел. Для этой цели автор использовал источники как опубликованные, но большей частью малодоступные читателю (географические и другие описания, составленные в прошлом веке), так и неопубликованные, в частности земельные акты, характеристика которых будет дана ниже.

Не имея возможности в одной статье осветить все интересующие вопросы темы, остановимся на главных из них, каковыми, на наш взгляд, являются земельные отношения, налоговая система, общее состояние экономики края, сословные деления.

* * *

Экономическое и политическое развитие Восточной Бухары и Памира было теснейшим образом связано с процессами, происходившими в других районах Средней Азии. Однако в силу ряда причин они отличались некоторым своеобразием. Главной причиной была феодальная раздробленность, отсутствие единого централизованного государства. Это особенно касалось высокогорных районов Каратегина, Дарваза, Шугнана и Вахана, отчасти даже Куляба, которые начиная с периода Аштарханидов являлись фактически полусамостоятельными владениями и по наследству управлялись местными феодалами. Если в Бухарском, Хивинском и Кокандском ханствах земля бывала сосредоточенной в руках верховного собственника — правителя государства, то в Восточной Бухаре и на Памире юридически в качестве своего рода верховных собственников земли выступали миры, шахи и прочие феодальные владельцы.

При характеристике социально-экономических отношений в высокогорных районах следует исходить из общего положения о том, что в условиях классового общества по мере роста разделения труда происходило дальнейшее раздробление земли внутри семьи. Однако если в равнинных районах такому процессу способствовало возникновение зачатков товарно-денежных отношений, то здесь причина была в разложении патриархально-общинного строя. В целом, как в равнинных, так и в высокогорных районах, в рассматриваемый период значительно ускоряется процесс купли и продажи земли. В результате концентрации земель, а у кочевников — скота и пастбищ, под власть богатых феодалов и скотоводов подпали обездоленные, разоренные слои населения, которые подвергались феодальной эксплуатации, получая одну четвертую, одну пятую долю урожая, а иногда и меньше.

Феодальная собственность на землю явилась экономической основой эксплуатации непосредственного производителя. Обработка земли, рытье каналов для ее орошения, выращивание урожая, своевременный сбор его полностью лежали на плечах угнетенных масс крестьянства. Доходы же с земли поступали в пользу феодала. Так было

⁶ И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, СПб., 1879.

⁷ Н. Н. Покотило, генерального штаба капитан. Отчет о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 г., Ташкент, 1888; А. Е. Снесарев, генерального штаба подполковник. Восточная Бухара. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии, вып. LXXIX, СПб., 1906.

⁸ Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. I, СПб., 1911, стр. 33.

⁹ А. А. Бобринский. Горцы верховьев Пянджа (ваханцы и ишкашимцы). Очерк быта. По путевым заметкам, М., 1908.

и в скотоводческих районах, где скот и пастбища составляли основное богатство кочевников-феодалов — вождей кочевых родов. Крестьянин как юридически (по шариату, а у кочевников — по адату), так и фактически выполнял феодальную повинность в ее различных формах. Это имело место не только в равнинной полосе Восточной Бухары, но и в высокогорных местах — в Дарвазе и западных районах Памира, где еще сохранялись отдельные элементы первобытно-общинного строя.

Земли в Восточной Бухаре и на Памире, как и вообще в Средней Азии, подразделялись, в зависимости от их принадлежности, на государственные (амляк) частновладельческие (мульк) и вакуфные, составлявшие собственность духовенства и религиозных учреждений¹⁰. Частновладельческая земля (мульк) в свою очередь подразделялась на несколько категорий (мульки хурр или мульки холис, и мульки хиродж). Причем неперенным условием для перехода обыкновенного мулька в категорию мульки холис, т. е. «очищенного мулька» (освобожденного от всяких налогов) являлись специальные постановления верховной власти в виде жалованной грамоты, выдававшейся на имя владельца подобного мулька¹¹. Фонд «очищенных», обеленных земель в Средней Азии, в том числе в Восточной Бухаре и на Памире, был вообще невелик. Ограниченность его была вызвана отчасти тем, что, причисляя тот или иной участок земли к категории мульки-холис, правительство, как верховный собственник, тем самым было вынуждено отказаться от дальнейшего взимания податей, предоставляя урожай с него полностью тому лицу, которому он был пожалован.

Характеризуя основные категории земель в Бухарском эмирате (именно, в Восточной Бухаре) Б. Г. Гафуров приводит данные о том, что накануне Великой Октябрьской революции эмирские земли составляли 12,1%, амлячные — 55,8%, вакуфные — 24,2% и мульковые не более 2—3%¹². Подобное положение, с некоторыми различиями, имело место и на Памире. Здесь, так же как и в Бухаре и Коканде, наряду с номинальными верховными собственниками земли — местными владельцами, существовали крупные феодалы. В условиях же феодальной раздробленности даже те земли, которые считались государственными и казенными, могли находиться фактически у верховного собственника лишь в зависимости от его реальной военно-экономической силы¹³.

Нельзя поэтому согласиться с мнением К. Мирзаева, что амлячная земля во всех случаях отличалась тем, что здесь собственниками являлись не отдельные феодалы, а мощное централизованное государственное объединение феодалов во главе с эмиром¹⁴. Такое утверждение не учитывает феодальной раздробленности. Нельзя согласиться и с трактовкой данного вопроса Н. Латыповым при исследовании земельных отношений в Дарвазском бекстве. По его мнению, основой аграрных отношений в Восточной Бухаре была феодально-теократическая собственность на землю и на воду централизованного государства во главе с эмиром¹⁵. Автор также упускает из вида наличие феодальной раздробленности не только в Бухарском эмирате, но и в его восточных районах. Уместно напомнить, что не только до, но даже после присоединения Дарваза к Бухаре местные правители, вследствие своей отдаленности от центра, мало считались с эмиром.

«Мусульманские законоведы, — отмечал известный исследователь мусульманского права Торнау, — действительно признают на основании откровений корана, что все земли, во всем мире, принадлежат богу, как творцу всего существующего. Эта мистическая фикция осуществляется, фактически, тем, что верховное обладание над земля-

¹⁰ Подобная система распределения земли по признаку принадлежности в своеобразной форме существовала также в Азербайджане, Армении и странах Ближнего Востока. См. И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX в., Л., 1949, стр. 78.

¹¹ П. П. Иванов. Указ. сб., стр. 45.

¹² Б. Г. Гафуров. Указ. соч., стр. 440.

¹³ И. С. Брагинский. К вопросу о периодизации истории народов Средней Азии и Казахстана в досоветскую эпоху (доклад). «Материалы научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период», Ташкент, 1955, стр. 565.

¹⁴ К. М. Мирзаев. Амлячная форма феодальной земельной собственности в Бухарском ханстве, Ташкент, 1954, стр. 23.

¹⁵ Н. К. Латыпов. Указ. дис., стр. 154.

باید اندیشید

حضرت حکیم الدین فی الدین

مستوطین

در اوف غنم الا کایر وک خدر جمهر کیه و عجم

در سیت فافه هزاره شیدایدیند کیه چون

دولتخوری ووظایف دایم از شاه قبار و لرت سگند نظهور آمده

بسیار شایسته است که در این احوال من در این الیه که در شیدایدین کیه چون
در عهد و دیوبید یکسان در حکمت قرار این ایالت کیه چون این ایالت کیه چون
بالا از راه و هفت دریا دایم انتقاد بخوبییم الیه هر حکمت بخودم رسید
ولایت فافه در فرزند کایر وک اطلاع یافته هر حکمت بار اخوانه دریا المقرر مویسه
الیه در انقه غنم کیه چون و اندر زیر که از ملک عالیه خود بخنده ایم بخوانی
اقتضای غنم کیه چون و اندر زیر که از ملک عالیه خود بخنده ایم بخوانی
قاضی ملک یک و مفراشت و میرزا فرانت و عاشور محمد و بنده شاه و فاضل ملک
و قندربیک و جانم محمد و نور دین زرک حال بر نیکی با سوار البحر مهر محمد

Рис. 1. Жалованная грамота правителя Шугнана шаху Кийену.
(Конец XVIII — начало XIX в.)

عبد محمد

این و کمیت که عین و بین است که در قلم او
رو شده بتاویج شهر رحیم و زنده شده ششم ماه که
از او هدیه نه بود که حاضر آمد جناب امارت
مآب فضایل الکتاب چنین توفیر نمود که
بایا میاشته زری گیر از ملک خانه پدر پنج بنان
تخم بزرگین بهشت علی و دیار علی میراث گرفته و
در بهار این املاک یکبار به بزمین بلام گرفته
اند و از عواید ابراشوده و سام بهرمان داده میراث
کردیم کجای حصار مجلس سید الله کجای بیاب
منظر کجای ضا حیدر کجای یار احمد کجای
کجای میر محمد کجای ملک محمد و کجای
ن دالک ح

حکیم بن محمد بن

بنای رخ روز آید نه شکر نه زهر
صد غم بود که گشت فودرناش امل حال
و تو من آمل غلام محمد بن ولد نه او یک
که دانیده شش کفر تخیر زمین مع یک باغ
بالا از یار و کفر تخیر زمین پایان از جوابشار
البه رحمت خودیم که از جمع آکا و سپکار و عیسی مرغ
القام کردانیدیم که بود ابو مهج احمدیر امر اچم نیتند

ми передано богом тени его на земле: пророку Ислама, а от него оно перешло к наместникам его: Имамам, Халифам и прочим светским властителям». Однако, подчеркивал он, право верховной собственности на землю отнюдь не исключало частной феодальной земельной собственности, поскольку с точки зрения шариата покупка земли считалась делом полезным¹⁶. В результате мусульманское право полностью санкционировало существование крупной частной земельной собственности и не препятствовало его развитию. Поэтому на протяжении XVII—XIX вв. крупные государственные земли в Бухаре постепенно стали переходить в руки отдельных частных собственников. Так происходило и в своеобразных условиях Восточной Бухары и Памира, несмотря на известную оторванность их от остальной части Средней Азии.

В Гиссарском бекстве, наряду с амлячными, мульковыми и вакуфными землями, существовало общинное пользование пустошами (замини омма) и выгонами¹⁷. В отличие от Гиссарского бекства в Каратегине все земли назывались «мульками» и подразделялись на мульки мероси (наследственные земли), мульки зархарид (купленные на золото), мульки хурри-холис (земли, свободные от податей и повинностей), вакуфные, наконец замини мираи или мульки султони (султанские земли). Последние делились на три категории: замини кори (пригодные для посева), замини кухсор (непригодные для посева), бармол и айлок, из которых первые обозначали пастбищные, расположенные вблизи того или другого кишлака, вторые — дальние пастбищные¹⁸. В Дарвазском бекстве существовали: замини мирй — мирские или султанские земли, которыми непосредственно распоряжались потомственные шахи или миры; мульки хурри-холис — частновладельческие земли, освобожденные от податей, находившиеся в распоряжении крупных феодалов; мульки ушри — земли, хозяева которых являлись мелкими производителями и, как правило, платили ушр (подать) в размере десятой части урожая; затем вакуфные земли, или замини мазор (земли при гробницах святых). Имелись здесь и общинные земли, которые отдавались в пользование населению кишлаков. Это в основном были пастбища, расположенные в высокогорных местностях¹⁹.

Как в Восточной Бухаре, так и на Памире общинными землями непосредственно должно было пользоваться население. Фактически же распоряжались ими представители господствующих классов. Наиболее пригодные земли в Гиссаре и в горных районах раздавались феодалам в виде танхо (пожалований) и отдавались в пользование крупным скотоводам за определенную плату как пастбищные угодья. Нередко местные феодалы самостоятельно захватывали общинные земли.

Феодалы во главе с мирями или беками, а в горных районах с шахами, являлись фактическими хозяевами земли. Так, каратегинский мир лично распоряжался 36 тыс. манов земли, которую по высокой цене сдавал гиссарским и каршинским феодалам-скотоводам в аренду²⁰. В Дарвазе некий Хаким-бек владел в середине XIX в. 80 манами земли в кишлаке Джорф, 50 манами в кишлаке Висхарфи боло; кроме того, ему принадлежал сбор всех податей в кишлаке Поръёби боло. Со своих земель он ежегодно собирал до 300—350 паймонов (паймон=2—2,5 пуда) зерна. Не довольствуясь этим, Хаким-бек, договорившись с местной администрацией, захватил 30 манов земли, принадлежавшей населению Ревена²¹.

Не оставались в стороне и представители духовенства, земельные участки которых достигали значительных размеров. Так, в окрестностях Каратага Гиссарского бекства в пользу вакуфа было отведено свыше 400 батманов неполивной земли (ляльми), в кишлаке Чузы (Каратагское амлякдарсго) — 60 батманов поливной земли (оби). Все доходы от этих земель шли в пользу мударрисов и прочих должностных лиц Каратагского медресе²².

Нет надобности останавливаться на особенностях землевладения и землепользования в других районах (в Кулябе, Шугнane и др.), так как, несмотря на некоторые

¹⁶ Торнау. Особенности Мусульманского права, СПб., 1892, стр. 51, 52—55.

¹⁷ М. Хамраев. Указ. дис., стр. 137.

¹⁸ А. Маджлисов. Указ. дис., стр. 82.

¹⁹ Н. К. Латыпов. Указ. дис., стр. 187.

²⁰ А. Маджлисов. Указ. дис., стр. 111. Размер земли исчислялся по количеству посеянного зерна. Ман, или батман, равен был здесь 8—12 пудам зерна.

²¹ Н. К. Латыпов. Указ. дис. стр. 163—164.

²² М. Хамраев. Указ. дис., стр. 127.

различия, они в конечном счете были такими же, как и в упомянутых выше областях. При этом, если формы землевладения в Кулябском бекстве были в основном сходны с формами землевладения в Гиссаре и Каратегине, то в Шугнана и Вахане они были близки к тем формам, которые существовали в Дарвазском бекстве²³.

Система пожалования местными правителями земельных участков своим приближенным широко практиковалась и в высокогорных районах Дарваза, Шугнана и Вахана, где ощущался острый недостаток земли²⁴. При этом пожалования носили сугубо классовый характер, производились они мирами и шахами в целях укрепления своего господства. Об этом свидетельствуют сохранившиеся земельные акты²⁵. Правда, указанные документы относятся не к рассматриваемому периоду, а к более раннему (XVIII и даже XVII в.). Тем не менее они являются достоверным источником по интересующему нас вопросу, так как в социально-экономической и политической жизни Восточной Бухары и Памира, несмотря на некоторые сдвиги, не произошло до середины XIX в. сколько-нибудь существенных изменений.

В одном из документов, относящихся к концу XVIII — началу XIX в. касательно пожалования земли правителем Шугнана шаху Кийену (очевидно, потомку местных правителей.— *Б. И.*), сказано: «Во имя всевышнего бога. Его высочество Шах Хаким Низом-и миллат фи-д-дин. Эмиры, ученые, знатные люди, домохозяева и все жители и соотечественники славного вилайета Хазора- и Шугнан²⁶, пусть знают, что так как проявляются действия благосклонности и благожелательности со стороны шаха Кийена (сын шаха Искандера), то по этой причине оказана милость обладателю благополучия и другу счастья и пожалована следующая земля из нашего собственного имущества: участок, засеваемый шестью кавшами²⁷ зерна в пределах Гунда; участок, засеваемый одним амбоном²⁸ зерна под мазаром; участок, засеваемый зерном в размере одного амбона ниже Сиёх Санга; участок, засеваемый одним кавшем зерна в пределах Пашора, выше дороги, и участок, засеваемый семью кавшами зерна в Ободон Анкофе. Все жители славного вилайета пусть будут осведомлены о приказе и пусть читают о милости нашей к вышеупомянутому лицу». Затем следуют подписи свидетелей (чиновников, состоявших при дворе шугнанского правителя), овальная печать правителя.

Местные правители не ограничивались пожалованием только участков пахотной земли. Факты свидетельствуют, что пожалования распространились также на сады, приусадебные участки и др. Подтверждением служит следующий документ: «В пятницу... 1156 г. (1743—1744) мы оказали милость свою Гулом Хамдину — сыну Хазора-бека, обладателю благосостояния и носителю счастья, пожаловав ему землю, засеваемую шестью кавшами зерна, вместе с одним садом, выше канала, и участок земли, засеваемый двумя кавшами зерна, ниже канала. Письменно оповещаем об этом всех землепашцев, незанятых людей и народ, чтобы после этой даты никто не помешал ему в этом». Затем следует перечисление свидетелей и овальная печать Мухамад-Хуссейна Шаха, сына Абд Мухаммада.

Наряду с крупными светскими феодалами, обладателями больших земельных участков являлись и представители духовной власти. Завещания обычно оформлялись на имя местных сейидов, исполнявших должность духовных наставников. При этом завещатель жертвовал в пользу сейида свое движимое и недвижимое имущество. Следовательно, как и в других районах Средней Азии, здесь поступали в пользу духовенства не только земли, но и другие виды имущества. Вот один из примеров такого завеща-

²³ Более подробно по этому вопросу см. З. Бахрамов. Указ. соч., стр. 49.

²⁴ Большая часть земли требовала здесь искусственного полива. (*Б. И.*).

²⁵ Земельные акты в архивах не сохранялись, многие находятся у местных старожил. Собираем их в настоящее время занимается Институт истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР. Приводимые ниже документы любезно предоставлены автору старшим преподавателем Сталинабадского государственного педагогического института З. Бахрамовым.

²⁶ Хазора от слова «хазор» — тысяча, термин, обозначавший административную единицу на Памире.

²⁷ Кавш — одна из единиц измерения сыпучих тел. Один кавш равняется двум серам, т. е. приблизительно 25—26 кг зерна.

²⁸ Амбон равнялся четырем кавшам, или одному паймону, т. е. 100—104 кг зерна.

ния: «О боже. Напоминается потому, что стало определенно и ясно, что записано в месяце раджабе во вторник 6-го числа 1109 г. (19 января 1698—1699), что господин аморат маоб²⁹ (вместилище власти), фазоиль иктисоб (обладатель достоинства), явившись к Абд Мухаммаду (сыну Мир Музафар-бека) сообщил, что батюшка его ... завещал Шо Али (сыну Ёр Али) из имущества дома отца: участок земли, засеваемый зерном в размере пяти амбонов, одну лошадь с седлом и уздечкой и отказался от тжбзы. Он отдал наследство этому же самому лицу при следующих доверенных лицах в качестве свидетелей» (перечисляются свидетели)³⁰.

По свидетельству старожилов Западного Памира, здесь практиковались и другие пожертвования в пользу духовенства. Так, например, лица, не имевшие детей, часто завещали свое имущество религиозным учреждениям. Нередко в пользу духовенства, по желанию того или иного лица, при его жизни, ежегодно поступала определенная часть дохода. Наконец, были случаи пожертвования в пользу духовенства детей с последующей передачей причитающегося им имущества, в том числе земли. Это лишний раз подчеркивает некоторое своеобразие в составлении завещаний в высокогорных районах, в частности у исмаилитов³¹.

Известны факты, когда представители местной духовной власти, получив в вакуф землю, использовали ее в своих личных корыстных интересах. Об этом довольно четко сказано в одном из документов конца второй половины XVII в., в котором жители селения Варзоба Хушери жаловались на незаконное использование дарственной земли в местности Зардж и Зидтикрут представителем духовной власти ходжа³² Ходжи Баем. Последний, приняв дар, обещал «после сбора налога с земли выстроить мечеть, а если не выполнит это обещание, то да осрамится перед господом и его посланником». Однако Ходжи Бай не выполнил свое обещание: «Он передал эту землю своим сыновьям ходже Абдулле и ходже Негматулле»³³.

Временами представители духовной власти приобретали также в свой личный фонд землю путем покупки пустующих участков, которые могли быть засеяны зерном. В таких случаях они опирались на нормы шарии, разрешавшего приводить в культурное состояние пустопорожние земли³⁴.

При рассмотрении налоговой системы в Восточной Бухаре и на Памире следует помнить указание К. Маркса о том, что в Азии, где производителям непосредственно противостояло государство в качестве земельного собственника, рента и налог совпадали, точнее, не существовало налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. «При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству»³⁵.

Отсутствие тесной экономической связи между отдельными районами Восточной Бухары и Памира объясняет нам, почему различные виды феодальной ренты-налога не везде имели одинаковый характер. Существовали три формы феодальной ренты-налога: отработочная, продуктовая и денежная, хотя последняя имела распространение лишь в равнинной полосе, главным образом в Гиссарском бекстве, где экономика была более развита, нежели в горных владениях. Здесь рента-налог в основном была аналогична той, какая существовала в Бухарском эмирате. Особенно разорительными для

²⁹ Аморат маоб, фазоиль иктисоб — принятая пышная титулатура; перевод дан в скобках.

³⁰ В условиях исключительно острой нужды в земле выделение пяти амбонов в пользу местного сейида является весьма показательным фактом, лишний раз подчеркивающим то огромное влияние, которым пользовалось духовенство.

³¹ Население Западного Памира, в отличие от ортодоксально суннитского населения Восточной Бухары, было по своему вероисповеданию исмаилито-шиитского толка.

³² Ходжи считались потомками Мухаммада по женской линии. Они пользовались привилегиями, подобными тем, какими обладали представители высшей духовной власти. См. А. Д. Гребенкин. Мелкие народы Заравшанского округа. Сб. «Русский Туркестан», М., 1872, вып. 1—3, стр. 117—119.

³³ Оригинал настоящего документа на таджикском языке хранится в рукописном фонде Института истории, археологии и этнографии Академии наук Таджикской ССР. Жалоба крестьян, направленная главой гиссарской духовной власти, не была рассмотрена. Земля осталась в ведении сыновей Ходжи Бая.

³⁴ Торнау. Указ. соч., стр. 54.

³⁵ К. Маркс. Капитал, т. III, М., 1955, стр. 804.

крестьян были действия местной администрации (хакимы, аробы и др.), применявшей при взимании податей самые жестокие формы принуждения. На государственных землях в Восточной Бухаре, как и в Бухарском эмирате, применялась практика «опечатывания» зерна на току, препятствовавшая земледельцам расходовать зерно нового урожая до взыскания налогов. В каждом селении имелись специальные надзиратели (доруга), которые следили за уборкой урожая и «опечатывали» зерно глиняными печатями, так что крестьянин, как бы он ни нуждался, не мог взять зерно, не сдвинув печатей³⁶.

Дехкане на каждом шагу испытывали на себе гнет феодалов. При поливе земли феодалы всегда могли оставить крестьянские посевы без воды; они распоряжались, таким образом, не только пахотной, но и усадьбой земель крестьян. Владельцы мулька по своему усмотрению могли перебросить крестьян с одного участка на другой. В равнинных и горных районах налогами, как правило, облагался дом, что, по мнению некоторых исследователей, свидетельствовало о непомерном гнете и о существовании здесь остатков общинного строя. Так, например, в горных районах обычно в одном доме проживало нераздельно несколько семей. Налогом, как правило, облагались все виды местного производства. Каждый двор платил скотом, маслом, сыром, соломой, дровами, а также армяками, нитками, войлоком, арканами, деревянной посудой, лопатами, деревянными чашками, башмаками и прочими вещами, т. е. всем, что производило отдельное хозяйство³⁷.

Капитан Брянов, начальник Маргеланского уезда, изучавший западные районы Памира, одной из причин скученности семей считал непомерный гнет, связанный с взиманием податей. «На каждый двор в Шугнане,— писал он 15 октября 1883 г. ферганскому военному губернатору,— надо считать от 12 до 20 человек. Такая скученность населения объясняется тем, что вследствие установившегося там порядка взимания податей со двора, семьи по возможности не разделяются, и женатые сыновья, по крайней мере при жизни отца, живут вместе с ним»³⁸. В горных районах Восточной Бухары и на Памире с давних времен существовал институт «буна», под которым разумеалась вся семья крестьянина, находившаяся фактически в крепостной зависимости от феодала. Господство феодала, как отмечал Г. А. Арандаренко, один из представителей царской администрации в Туркестане, сказывалось не только в «тягости податей, но даже в фактическом очередном крепостничестве (буне), выражавшемся в подпадении целого ряда селений в полное повиновение или подневольное подчинение служилым людям (сипаям)»³⁹.

Как и в Восточной Бухаре, в западных районах Памира взимались дополнительные подати на содержание наукаров и других, более мелких чиновников. Одновременно крестьяне ежегодно были обязаны выполнять и иные виды повинностей, связанных главным образом с барщиной. Так, например, жители долины Хуфа ежегодно выделяли определенное число мужчин и женщин для заготовки продуктов местным шахам и исполнения повинностей при их дворе: пастьбы скота, обработки земель, сбора и заготовки дров, очистки крепости от снега и мелких работ по обслуживанию двора. Все это отвлекало почти половину населения от непосредственных занятий.

Наиболее полное представление о феодальных повинностях дает, на примере Каратегина, А. П. Федченко, по словам которого, «здесь мы встречаем во всей простоте первобытную систему налогов»⁴⁰. Оседлое население вносило все подати большей частью натурой. Такой сбор назывался алымом и собирался как с оседлых, так и со скотоводов. Кроме того, существовали налоги на войну, которые собирались только с кочевников, не несущих личной военной повинности. Бедняки, как правило, сгонялись на так называемые «общественные работы», сводившиеся к исправлению дорог, мостов, постройке казенных помещений, перевозке казенных грузов и т. п.

Наиболее распространенной формой эксплуатации крестьян со стороны феодалов

³⁶ «Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве», стр. XIV.
³⁷ Д. Л. Иванов. Шугнан. Афганские очерки. «Вестник Европы», 1885, № 6, стр. 650.

³⁸ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 588, 1883, л. 49.

³⁹ Там же, д. 6931, л. 93.

⁴⁰ А. П. Федченко. Путешествие в Кокандское ханство. ИИРГО, т. VIII, № 1, СПб., 1872, стр. 14.

был хашар, первоначально обозначавший взаимопомощь между крестьянами, а впоследствии принявший принудительный характер⁴¹. Другой формой эксплуатации был так называемый «шарики»⁴², когда феодал, владевший избытком земли, отдавал ее в обработку малоземельному крестьянину, который своим инвентарем и семенами, а также своим трудом обрабатывал эту землю, но впоследствии половину урожая отдавал хозяину.

Экономика Восточной Бухары и Памира находилась на исключительно низкой ступени развития. В обиходе населения, особенно жителей высокогорных районов, удаленных от культурных центров, как отмечал И. И. Гейер, было очень мало орудий, а те, которыми они пользовались, были самого примитивного устройства. Пахали деревянными плугами (омачами), иногда даже без железного лемеха. Снопки возили на саях или выюках⁴³. Крайне слабое развитие хозяйства не удовлетворяло растущие потребности господствующих классов, которые поэтому выжимали все соки из крестьян.

Климатические условия равнинных районов Восточной Бухары и отчасти Западного Памира позволяли вести земледелие как на орошаемых землях, так и на богарных. Последние составляли 20—30% всей обрабатываемой площади. В горных районах, в том числе в Дарвазе, Шугнани и Вахане, богарные земли занимали не более 15—20% возделываемой земли. Исключительно важное значение как для развития земледелия, так и для скотоводства играла Гиссарская долина. Побывавший здесь в конце 70-х годов XIX в. Н. А. Маев подчеркивал, что Гиссарский край с долиной Сурхан по своим климатическим условиям и естественным богатствам занимал первое место в юго-восточной части Таджикистана⁴⁴. Главными культурами как в Сурхане, так и в Гиссаре, помимо пшеницы и ячменя, были рис и лен (как масляничная культура). Возделывались также бахчевые и огородные культуры: капуста, арбузы, дыни, морковь, огурцы, редька, лук, стручковый перец; выращивались яблоки, вишни и др.⁴⁵

Кулябское бекство славилось не только своим скотом и хлебом, но и соляными промыслами. Главный земледельческий район бекства — Муминабадская долина обеспечивала продуктами местное население и частично Дарвазское бекство. По свидетельству Н. А. Маева, земледельческие продукты в Кулябе в 70-х годах XIX в. были значительно дешевле, чем в других бекствах Восточной Бухары. Так, например, батман пшеницы стоил 5 тенег (1 рубль), батман муки — 8 тенег, батман ячменя — 10 тенег⁴⁶.

Несмотря на горный характер местности в Каратегине, население его занималось в основном земледелием и обеспечивало себя собственными продуктами. Развитию земледелия весьма благоприятствовали качество почвы, а также достаточное количество земли, годной для обработки. Главнейшими сельскохозяйственными культурами были пшеница и ячмень. Годовой сбор пшеницы и ячменя лишь по четырем амлякдарствам, по данным капитана Кузнецова, занимавшегося статистикой Каратегина, выражался приблизительно в 77 370 чайреков, или 386 850 пудов⁴⁷.

Жители Дарваза, в отличие от Гиссара, Куляба и Каратегина, всегда ощущали острую нужду в хлебных продуктах. Совершенно отчетливое представление о положении Дарваза дает нам капитан генерального штаба Февралев, который в 1893 г. исследовал малоизвестный участок границы от речки Ванч, вдоль рек Пяндж и Аму-Дарья до укрепления Керки. На основании собранных Февралевым материалов Н. Юхновский писал: «Население (Дарваза.— *Б. И.*) поддерживает свое существование отхожими

⁴¹ Н. А. Кисляков. Указ. соч., стр. 34.

⁴² «Шарики» также первоначально обозначало своеобразную супругу, но было использовано феодалами в качестве формы издольщины.

⁴³ И. И. Гейер. Путеводитель по Туркестану, Ташкент, 1901, стр. 107.

⁴⁴ См. Н. А. Маев. Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, изд. Туркестанского статистического комитета, вып. V, СПб., 1879, стр. 173.

⁴⁵ Галкин, генерального штаба полковник. Краткий военно-статистический очерк района полевой поездки офицеров Генерального штаба Туркестанского военного округа в 1889 году в Бухарском ханстве и в южной части Самаркандской области «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. LVII, СПб., 1894, стр. 17.

⁴⁶ См. Н. А. Маев. Указ. соч., стр. 222.

⁴⁷ Кузнецов, генерального штаба капитан. Краткое статистическое описание Каратегина. «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. XXXIII, СПб., 1888, стр. 17.

промыслами в Фергане и даже в Ташкенте, потому что занятие земледелием по недостатку годной для культуры земли не дает средств и для самого умеренного питания. В Дарвазе чистым пшеничным хлебом пользуются только немногие из жителей. Пшеничную муку мешают с мукой из бобов, а в долине рек Ванч, Язгулем и Пяндж делают муку даже из сушеных ягод тутового дерева, горного лука и других горноплодовых растений»⁴⁸.

Главным занятием населения Шугнана, Рушана и Вахана было земледелие. Из земледельческих культур производились: пшеница, джугара, просо, ячмень, горох, бобы; из овощей — лук, дыни, арбузы. Наряду с этим было развито скотоводство⁴⁹. Продукты земледелия и скотоводства были предназначены исключительно для внутреннего потребления.

Скотоводство имело такое же значение в Восточной Бухаре и на Памире, как и земледелие. В значительном количестве разводили скот гиссарские феодалы, особенно феодальные верхи племен локайцев, карлуков и других. Большие возможности для развития скотоводства имелись в долине Курган-Тюбе, в горах Гиссара и Каратага, а также в Бальджуане и Каратегине. Крупные скотоводы, преимущественно узбекские, туркменские и киргизские, имели сравнительно большое количество не только рогатого скота, но и также лошадей и верблюдов.

Полному использованию экономических ресурсов страны препятствовала ее раздробленность. Восточная Бухара и Памир обладали достаточными водными источниками и богатыми полезными ископаемыми. При умелом использовании водных запасов Аму-Дарьи можно было развернуть огромные работы по развитию земледелия и скотоводства, построить гигантские каналы для орошения громадного количества пустующих земель и подъема всего сельского хозяйства. Экономическая необходимость совместного использования воды на Востоке «повелительно требовала вмешательства централизующей власти правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации общественных работ»⁵⁰. Следовательно, отсутствие единого централизованного государства было одной из важнейших причин медленного развития хозяйства края.

Несмотря на некоторое развитие товарно-денежных отношений, в Восточной Бухаре и на Памире, особенно в высокогорных местностях, господствовало натуральное хозяйство. Местное население было лишено связей с внешним рынком. Оно в подавляющей части само изготовляло для себя необходимые предметы потребления. Это и понятно, поскольку натуральное хозяйство вытекало из существа феодального способа производства.

Наиболее богатым рынком Восточной Бухары являлся гиссарский, где можно было найти необходимые товары кустарного изделия. Гиссар, помимо других предметов, славился производством алачи (узорчатой материи), которую вырабатывали главным образом каратагские мастера. Эта алача отличалась хорошим качеством, в большинстве случаев изготовлялась из плотной полущелковой ткани и употреблялась на халаты. По свидетельству Г. Е. Грум-Гржимайло, гиссарская алача была «известна далеко за границами Гиссарского бекства»⁵¹.

В Каратегине изготовлялись грубые шерстяные ткани. Из привезенного гиссарского хлопка ткали бязь и мату. Из пуха диких и домашних коз и бараньей шерсти валяли сукно, употребляемое для зимних чекменей⁵².

Из полезных ископаемых в Восточной Бухаре и на Памире разрабатывались лишь железная руда, золотые россыпи, каменная и озёрная соль, а также частично месторождения серебряных, свинцовых, медных и других руд. Местные правители поощряли железодельное производство. С этой целью они иногда освобождали от податей наиболее крупных промышленников. Г. Е. Грум-Гржимайло отмечал, что кроме Гиссара, железодельное производство было довольно развито в Дарвазе. «Калаи-Хум, на-

⁴⁸ «Туркестанские ведомости», 8 сентября 1894 г.

⁴⁹ ЦГИА УзССР, дело «О предложении шугнанцев и рушанцев отложиться от Афганистана», стр. 28.

⁵⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 132.

⁵¹ Г. Е. Грум-Гржимайло. Очерки Припамирских стран. ИИРГО, т. XXII, вып. II, СПб., 1886, стр. 104.

⁵² К. А. Абрамов. Записка о каратегинском владении, составленная по расспросам, ИИРГО, вып. VI, 1870, стр. 109.

пример,— писал он,— главный центр Дарвазского бекства, далеко славится своими железными изделиями, и изготавливаемые там ножи действительно хороши»⁵³. Выплавка железа производилась главным образом в долине реки Ванч. Железная руда добывалась (самым примитивным способом) в верховьях реки Ванч около села Те-Харв, в Куи-Мазаре в верховьях реки Ванч и у села Потау. Дореволюционный исследователь Средней Азии В. Вебер, лично побывавший в долине Гиссара, касаясь техники производства железа в рассматриваемый период, отмечал ее примитивный характер⁵⁴.

Развита была и добыча золота. «Несмотря на первобытный способ добывания золота,— писал Н. Н. Покотило, побывавший в Центральной и Восточной Бухаре в 80-х годах XIX в.,— промысел этот оказывается, однако, довольно выгодным. Так, каждый рабочий выручает в день от 4 до 6 коканов (каждый кокан равен 15—20 коп.— Б. И.). Аму-Дарьинское золото в Кулябе, Богораке и в Саяде стоило по 18—20 коканов, т. е. по 3 руб. 60 коп.— 4 руб. золотник»⁵⁵. В связи с тем, что феодальные повинности, налагавшиеся на лиц, добывавших золото, были исключительно тяжелыми, добыча его с каждым годом сосредоточивалась в руках состоятельных элементов, которые вели добычу путем эксплуатации наемной силы и постепенно вытесняли из этой отрасли производства мелких старателей. «Более предприимчивые туземцы,— писал полковник Матвеев, посетивший Бухару в 1877 г.,— нанимают несколько человек рабочих, с оплатой каждому из них в день по два кокана и затем работы производятся под личным надзором нанимателей, в пользу которых и поступает сполна все добываемое золото»⁵⁶.

Население занималось также добычей каменной соли. Самые значительные соляные копи были расположены в Кулябском бекстве. Они разрабатывались главным образом в Хазрати-Имаме. Соляные копи имелись в горах Дарваза, в районе Пужпала и Равнау. Соль добывали почти во всех бекствах Восточной Бухары.

Таковы основные факты, связанные с кустарным промыслом и разработкой недр страны. Население Восточной Бухары, которая не только была оторвана от крупнейших городов Средней Азии, но и сама находилась в состоянии внутренней раздробленности, испытывало острую нужду в предметах первой необходимости. Ничтожное по объему кустарное производство и разработка недр в основном были сосредоточены в руках эксплуататорских классов.

Оторванность Восточной Бухары и Памира от культурных центров Средней Азии не могла не способствовать сохранению и в их политическом строе некоторых особенностей. Нагляднее всего эти особенности проявились в высокогорных районах.

В горных владениях при дворе каждого мира и шаха были наукары. Они подбирались двумя способами: рекрутским набором в определенном количестве и вербовкой охотников. Наукары подразделялись на две категории: галабатырей, имевших холодное оружие, и хоса-бардор, вооруженных пищалями⁵⁷. Помимо своей главной обязанности — военной службы,— наукары собирали ренту-налог, наблюдали за выполнением крестьянами феодальных повинностей, выполняли различные поручения. Часть наукаров служила постоянно при дворе местных правителей и других феодалов⁵⁸.

Кроме орды наукаров, истощавших внутренние ресурсы страны и тормозивших развитие ее производительных сил, имелась и многочисленная армия более мелких чиновников. По свидетельству Г. А. Арандаренко, в Каратегине к 70-м годам XIX в. число чиновников доходило до 4 тысяч, а в небольшом Дарвазском бекстве — до 600, не говоря уже о Кулябе и Гиссарском бекстве, где их было значительно больше⁵⁹. В рас-

⁵³ Г. Е. Грум-Гржимайло. Указ. соч., стр. 104.

⁵⁴ В. Вебер. Плавка железных руд в Бухарском ханстве. «Горный журнал», № 8, т. III, СПб., 1898, стр. 256.

⁵⁵ Н. Н. Покотило. Указ. соч., стр. 32.

⁵⁶ «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. V, 1883, стр. 27. Поездка генерального штаба полковника Матвеева по Бухарским и Афганским владениям в феврале 1877 г.

⁵⁷ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 118, л. 45.

⁵⁸ Л. И. Игнатьев, генерального штаба капитан. Маршрут по Гиссарскому и Каратегинскому бекствам. «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. LVII, СПб., 1894, стр. 319.

⁵⁹ Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. Этнографический очерк. «Военный сборник», СПб., 1883, № 11, стр. 149.

сма­три­вае­мый пе­ри­од, в от­ли­чие от бе­кств рав­нин­ных рай­о­нов Вос­точ­ной Буха­ры, в гор­ных рай­о­на Па­ми­ра и Дар­ва­за долж­нос­тны­ми ли­ца­ми в ос­нов­ном бы­ли со­тни­ки (са­да), ты­сяч­ни­ки (ха­зор) и др. Дол­ж­ность шуг­нан­ско­го ты­сяч­ни­ка со­от­вет­ст­во­ва­ла кар­ате­гин­ско­му ми­ра­зо­ру (от «мир-и ха­зор»), на­зва­ние ко­то­ро­го, как из­вест­но, со­хра­ня­лось до на­ча­ла XX в.

Фео­дал­но-бю­ро­кра­ти­че­ский ап­па­рат фор­ми­ро­вал­ся на ос­но­ве род­ст­вен­ных от­но­ше­ний и иму­ще­ст­вен­но­го по­ло­же­ния.

Пе­ре­жит­ки сос­лов­но­го де­ле­ния на­се­ле­ния вер­ховь­ев Пян­джа, глав­ным об­раз­ом Шуг­на­на, Ру­ша­на, Ва­ха­на и Язгу­ле­ма, име­ли ме­сто впо­л­ь­ю до кон­ца вто­рой по­ло­ви­ны XIX и на­ча­ла XX в. Мес­т­ные ми­ры и ша­хи, как пра­ви­ло, де­ли­ли на­се­ле­ние на сос­ло­вия. Ча­сть жи­те­лей име­но­ва­лась ро­ди­ча­ми мес­т­ных ми­ров и ша­хов. От­сю­да воз­ник­ло сло­во «ми­р­ский», или «кау­м-и-мир» (т. е. род ми­ра, ина­че — ша­ха). Дру­гие, «се­й­иды», счита­лись ро­ди­ча­ми ду­хов­ных лиц: се­й­идов и шей­хов, т. е. пред­ста­ви­те­лей ду­хов­ной вла­сти. За ни­ми шли «ако­бир» — дру­жин­ни­ки, ко­то­рые со­про­во­ж­да­ли ша­ха или ми­ра. Что ка­са­ет­ся ос­нов­ной ма­с­сы на­се­ле­ния (кре­стьян), то она бы­ла при­чис­ле­на к ка­те­го­рии фу­ка­ро, или рай­ият (по­дат­ное сос­ло­вие).

В про­шлом при­ви­ле­ги­ро­ван­ные сос­ло­вия впо­л­ь­ю до кон­ца XIX и на­ча­ла XX в. пы­та­лись со­хра­нить свою ро­до­вую з­на­т­ность, для че­го храни­ли свою ге­не­а­ло­гию; они ки­чи­лись сво­им про­ис­хо­жде­нием. Фео­дал­ные вла­сти­те­ли стре­ми­лись к то­му, что­бы под­дер­жи­вать нор­маль­ные от­но­ше­ния с э­ти­ми сос­ло­ви­я­ми, обес­пе­чив се­бе их под­дер­жку. Ос­обен­но это ха­рак­тер­но для Шуг­на­на, ша­хи ко­то­ро­го по сво­е­му ве­ро­ис­по­ве­да­нию, в от­ли­чие от ари­сто­кра­ти­че­ских сос­ло­вий (ис­ма­илитов), бы­ли сун­ни­та­ми, на поч­ве че­го ча­сто про­ис­хо­ди­ли кон­ф­лик­ты ме­жду ша­ха­ми и ари­сто­кра­та­ми.

Клас­су экс­плу­а­та­то­ров, куда вхо­ди­ли круп­ные зем­ле­вла­де­ль­цы, об­ла­да­вшие тан­хо, ско­тов­ла­де­ль­цы, во­ен­но-ари­сто­кра­ти­че­ская прос­лой­ка, ду­хов­ен­ство и др., про­ти­во­сто­я­ли фу­ка­ро⁶⁰. Фу­ка­ро де­ли­лись на две глав­ные ка­те­го­рии: го­су­дар­ст­вен­ных и дар­ст­вен­ных. К го­су­дар­ст­вен­ным от­но­си­лись те, кто не­по­сред­ст­вен­но си­дел на сул­тан­ских или ми­р­ских зем­лях и от­бы­вал раз­лич­ные фео­дал­ные по­вин­но­сти. Дар­ст­вен­ны­ми на­зы­ва­лись кре­стья­не, ко­то­рых от­да­ва­ли фео­да­лу за его осо­бые за­с­лу­ги в ви­де тан­хо.

Фак­ты, ха­рак­те­ри­зу­ю­щие об­ще­ст­вен­но-по­ли­ти­че­ский строй в до­ли­не вер­ховь­ев Пян­джа, от­ра­же­ны в «Над­пи­си из Ру­ша­на», най­ден­ной в 1898 г. Над­пись да­ет не­ко­то­рое пред­ста­в­ле­ние об об­ще­ст­вен­ном строе ру­шан­ских гор­цев во вто­рой по­ло­ви­не XVIII в. Во гла­ве об­щи­ны сто­ял «шах» (князь) — по­то­мок фео­дал­ной ари­сто­кра­тии, ко­то­рый вы­де­ля­ет сво­их пред­ков и воз­во­дит свою ди­на­стию к по­э­ту, пред­ста­ви­те­лю ис­ма­ил­из­ма Но­си­ру Ху­ро­ву. Из­вест­но, что мес­т­ные ша­хи при­па­ми­р­ских стран ча­сто воз­во­ди­ли свою ро­до­слов­ную к са­мо­му Алек­сан­дру Ма­ке­дон­ско­му. На­ря­ду с ти­ту­лом «шах» здесь упо­ми­на­ет­ся ко­зий Шид­за, по-ви­ди­мо­му, по про­ис­хо­жде­нию уз­бек, на­ско­лько об э­том мож­но су­дить по его име­ни. Ни­же ука­зан­ных двух пред­ста­ви­те­лей вла­сти сто­ят про­чие ч­ле­ны об­щи­ны — «лю­ди» Шид­за⁶¹.

Из до­ку­мен­та мож­но су­дить о том, что сре­ди на­се­ле­ния вер­ховь­ев Пян­джа дли­тель­ное вре­мя су­ще­ст­во­ва­ли пе­ре­жит­ки па­три­ар­халь­но-фео­дал­ных от­но­ше­ний. Мир или шах вы­сту­пал в ка­че­ст­ве «гла­вы се­мьи», или гла­вы всех ро­ди­чей. Фео­дал­но-па­три­ар­халь­ные пе­ре­жит­ки от­чет­ли­во про­яв­ля­лись так­же сре­ди жи­те­лей дру­гих вы­со­ко­гор­ных рай­о­нов. Ука­зы­вая на по­доб­ные пе­ре­жит­ки в Дар­ва­зе и Кар­ате­гине, Г. А. Аран­дарен­ко пи­сал: «У гор­цев со­вер­шен­но не прак­ти­ку­ет­ся вы­дел из хо­зяй­ст­ва же­нив­ших­ся сы­новей, не прак­ти­ку­ет­ся и раз­дел на­сле­д­ст­ва, а дей­ст­вует кор­по­ра­тив­ный за­кон»⁶².

Сис­те­ма «корм­ле­ния» су­ще­ст­во­ва­ла во всех бе­кствах Вос­точ­ной Буха­ры. Ха­рак­тер от­но­ше­ний ме­жду при­бли­жен­ны­ми и пра­ви­те­ля­ми фео­дал­ных вла­де­ний Вос­точ­ной Буха­ры с до­статоч­ной пол­но­той рас­кры­ва­ет при­во­ди­мая ни­же гра­мота Сей­ид-Шах Му­хам­мад-Си­р­ли-ха­на, да­ти­ро­ван­ная 1870—1871 гг.: «Да бу­дут оповешены братья выс­шей сфе­ры не­бо­с­во­да и сы­ны сол­нца на­ивыс­ше­го ве­лич­ия, мог­уще­ст­вен­ные и муд­рые ве­зи­ры, стол­пы ве­ры и го­су­дар­ст­ва, з­на­т­ные лю­ди го­су­дар­ст­ва и на­ро­да, все

⁶⁰ В от­дель­ных рай­о­нах встре­чал­ся тер­мин «ранд­ж­бар» (бук­валь­но: че­ло­век, не­су­щий все тя­же­сти), по­лу­чив­ший смы­сл «тру­дя­щий­ся».

⁶¹ Н. Ма­лиц­кий. Над­пись из Ру­ша­на. «Тур­ке­стан­ские ве­домос­ти», 20 фе­в­ра­ля 1900 г.

⁶² Г. А. Аран­дарен­ко. Ука­з. со­ч., «Во­ен­ный сбор­ник», 1883, № 12, стр. 303.

жители и все соотечественники двенадцати тысяч врат, да улучшит аллах благополучие их всех, а в особенности да будут оповещены община и люди квартала Сафид Санг, и да запомнят они, что за то, что явно проявились действия услужения и отношения, ищущего одобрения ясного чела вероустановления Хол Бархама и его брата Мулло Боби, им оказывается великая милость и государево снисхождение в отношении положения и упований, а именно: мы освободили землю дома их отца от всех хакимских повинностей и обложений, как например, ушр, амал (повинности) и поставки транспортных животных и прочее, и записали это навечно. Поведение вышеупомянутых лиц считать установленным и определенным согласно данному распоряжению. Детям и внукам нашим не вмешиваться в дела детей и потомков вышеупомянутых лиц, не требовать с них «ни соломинки», так как им будет оказана действительная высочайшая помощь. Пусть будет действительно [настоящее распоряжение]⁶³.

Эти отношения вытекали из существа того общественного строя, который господствовал в Восточной Бухаре и на Памире в рассматриваемый период. Во многих районах феодальные отношения переплетались с дофеодальными пережитками. В высокогорных районах некоторые черты родоплеменных отношений сохранялись не только в быту, но и в общественной жизни.

Таким образом изолированность Восточной Бухары и Памира отразилась как на экономике, так и на общественно-политическом строе. Как явствует из вышеизложенного, население Восточной Бухары и Памира значительно отстало в своем историческом развитии от других областей Средней Азии.

Хозяйственный застой, охвативший всю Среднюю Азию со второй половины XVIII в., переживали также Восточная Бухара и Западный Памир. Ко второй половине XIX в. этот застой не был ликвидирован. Феодальная раздробленность не была преодолена, край по-прежнему был разделен на владения. Ухудшалось положение угнетенных масс, росло их недовольство и неоднократно происходили выступления против господствующих классов.

⁶³ Настоящий документ любезно предоставлен автору А. Маджлисовым.

